

ОРБИТА КУЛЬТУРЫ: В ПЕРИГЕЕ – ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Орбита движения культуры как духовно-практической сферы жизнедеятельности общества имеет различные конфигурации в разных социально-экономических формациях. В каких условиях существует «вторая (рукотворная) природа» человека при капитализме, Карл Маркс видел воочию и утверждал с категоричной ясностью: «Капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии»¹. И к тому, чтобы опустить сферу культуры в точку перигея, в тогдашней повседневной жизни находились все объективные основания, заложенные в природе общественного строя с частнособственническим модусом бытия и адекватным типом сознания.

Известно, что в любом акте разумной деятельности людей наличествует возможность воспроизводства материальной и духовной культуры с целью самосохранения и развития человека, который испытывает постоянную потребность в соитии с первой (естественной) и второй (рукотворной) природой. При этом решающим условием успешности или неуспешности становится генеральный концепт общественного целеполагания и целедостижения: он связывается с ментальной идентичностью народа и базируется на многомерном или одномерном центризме теоретических замыслов и практических действий власти.

Идеальным для устойчивого социального прогресса считается универсальный концепт, учитывающий многозначную сущность человека и соответствующий трём его ликам, трём ипостасям его личности, трём сферам его бытия – экономики, политики, культуры, а также трём подструктурам целостной структуры индивида – биогенезу, социогенезу, психогенезу. Однако при капитализме такого концепта в принципе быть не может: здесь безоговорочно доминирует «экономический центризм». А он редуцирует (упрощает) генерализованные формы бытия и сознания социума конвейерно воспроизво-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 26. – Ч.1. – С. 280.

димым однообразием массовых меркантильных интересов и запросов, чего явно недостаточно для полноценной жизни человека.

По всем канонам «общества потребления» экономикоцентризм односторонне педалирует, главным образом, биогенез в человеке и фактически замыкается на материальных началах его повседневной жизни, которые получают безусловный приоритет над духовными началами. В итоге все сферы повседневной деятельности общества и государства, в том числе культурная, образовательная, воспитательная, информационная, коммуникативная и др., приобретают материально-практический флюс. Это делает общее социально-политическое устройство весьма уязвимым перед недовольством широких масс людей, недополучающих востребованного объема духовных ценностей и благ.

Далее, экономикоцентризм общественной жизни представляет собой одномерный вариант идеолого-технологической конструкции бытия и сознания социума. И он никоим образом не отвечает универсальной (полифонической) природе человека, поскольку формирует крайне негативную тенденцию в периметре социокультурной динамики: в этом случае в общественной жизни постоянно воспроизводится ситуация перепотребления людьми материального начала и недопотребления ими духовного аналога. В результате постоянного, входящего в норму, воспроизводства устойчивого профицита вещей и зеркального ему дефицита идей наносится большой урон процессу гармоничного развития страны и её граждан.

Неслучайно в наше время «общество потребления», где царствуют в умах вселенский жор, машины, шмотки, перестаёт быть безусловной общечеловеческой ценностью. Опять же экономическая узость бытия и сознания людского сообщества как не отвечающий многомерной природе личности принцип повседневной жизни не выдерживает, в конечном итоге, проверки временем и подвергается тотальному переосмыслению в имплицитной и эксплицитной формах массового сознания. И в публичной сфере на повестку дня

сейчас выходит критический дискурс рисков и угроз для человека со стороны либерально-олигархического экономикоцентризма, который российской властью и олигархатом буквально насаждается в стране всеми доступными средствами с начала 90-х гг. XX века.

В самом деле, Россия второй раз в своей истории наступила на капиталистические грабли, причём главенствующим назначила финансово-банковский, а не производственный капитал, то есть поставила телегу впереди лошади. Ну, а в культуре страна обратилась: а) к автономности духовной сферы жизни и её переводу в русло либерализма; б) к минимальной «зависимости» науки и образования от расходной части госбюджета; в) к удалению из повседневности общественного (идейно-политического, трудового, нравственного) воспитания граждан; г) к модернистскому подходу к «свободе» художественного и самодеятельного творчества людей; д) к отлучению от государственной поддержки литературы, кино, театра, книгоиздания, качественной прессы, народных промыслов и др. При этом буржуазная власть так уважила особо стремившихся к свободе от государственной опеки отечественных мастеров художественного слова, что вообще удалила из Трудового кодекса профессию «писатель», лишив их возможности рабочего стажа и личного пенсионера...

Уж сколько раз твердили миру: рынок созидателен только в экономике (да и то не всегда!), а в культуре он разрушителен. По мнению М.Ф. Антонова, рыночный экономикоцентризм, положенный в основу образа жизни, – «это диверсия в мировом масштабе, а распространение и применение его в нынешней России – акт вредительства. Рынок в народном хозяйстве – это то же, что трение в механике. Полностью устранить трение невозможно, но необходимо свести его к минимуму. Так и сфера применения рыночных меха-

низмов должна быть ограничена той областью, где без них просто невозможно обойтись»¹.

Это уже становится аксиомой: как только в духовно-практической сфере запускаются механизмы либерального фундаментализма с его рыночным чистоганом в качестве базисного элемента, так она начинает загнивать на корню: литература вырождается в бульварную беллетристику с ночными бабочками, кино – в криминальные сериалы с бесправными «ментами», театр – в постановку классики с сексуальным душком, образование – в фирму «натаскивания» молодёжи на единый госэкзамен и вузовский диплом, наука – в контору самовыживания с помощью коммерции, спорт – в добычу побед любой ценой (за счёт допинга). И везде правят бал деньги, деньги, деньги...

Нет сомнения, сползание отечественной культуры с горы духовности в яму бездуховности не представляет собой какого-либо нонсенса, ведь корни этой негативной тенденции кроются в социальных причинах, а именно: в духовно-практическом реверсе всей общественной жизни России с начала 90-х гг. XX века и по сегодняшний день. Есть объективно действующий закон равновесия между уровнем духовности общества и качеством культурного продукта, который ещё никто не отменял. Для высоких идей и дел, коими люди жили при социализме, требовались классные творцы и высокохудожественные произведения. И они появлялись по ментальному общественному заказу – на повышающий вектор социализации граждан по канонам всесторонне развитой личности, что позволяло тогдашней культуре находиться в апогее развития.

Иное дело при капитализме, где развитие культуры, по утверждению М.А. Лифшица, «совершалось в неблагоприятных условиях, под гнётом капиталистического рабства, в борьбе с окружающей средой»². В этом общест-

¹ Антонов М.Ф. Капитализму в России не бывать! – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – С. 663-664.

² Лифшиц М.А. Маркс и Энгельс об искусстве / Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. В 2 т. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1. С. 25.

ве для низких идей и мыслей (как у Владимира Маяковского, «жена да квартира да счёт текущий, вот это отечество – райские кущи!») требуются адекватные творцы и произведения, имеющие все признаки и свойства массовой культуры. И такие акторы тоже появляются по властному и олигархическому заказу – на понижающий вектор социализации граждан по канонам человека-обывателя, падкого на сенсации, неуравновешенного, подверженного метаниям и житейским соблазнам.

Итак, в сухом остатке: для общества XXI века требуется иной генеральный концепт целеполагания и целедостижения: если сам человек считается мерой всех вещей, значит, и сами вещи должны быть «очеловеченными» в унисон с его идентифицирующей и самореализующейся личностью. Этот концепт можно определить как социокультуроцентризм: в своей исходной посылке он не редуцирует, а наоборот, диверсифицирует (усложняет) генерализованные формы бытия и сознания социума путём непрерывно воспроизводимого разнообразия материальных и духовных интересов и запросов, а также способов их удовлетворения. Он реально устраняет в повседневной жизни страны и её граждан как материально-практический, так и духовно-практический флюсы, при этом сводит материальное и духовное начала в единое гармонизированное целое, устраняя в зародыше возможный потенциал массового недовольства и поддерживая на оптимальном уровне социальное самочувствие людей.

Одномерный человек как социокультурный объект и субъект (и, конечно, продукт!) в современных условиях бытия становится анахронизмом. По прогнозу А.С. Панарина, «общая цивилизационная перспектива указывает нам на постэкономического человека – личность, в системе приоритетов которой на первое место выходят ценности культуры, духа, творческой самореализации, качества жизни. Симптомы присутствия постэкономического человека в России ощущались уже давно и, возможно, значительно сильнее,

чем на Западе»¹. В XXI веке происходит полное становление многомерной личности, которая более соответствует реалиям постиндустриального общества. Последнее, в силу когнитивной архетипичности, напрочь отвергает идеологическую и технологическую односторонность и ограниченность бытия, какой бы она ни была, – экономической или политической, материальной или духовной.

¹ Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – С. 421-422.